

ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ

Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ по г. Москве от 15.02.2001 г.

129164 МОСКВА а/я 110. Тел.: +7 (903) 769 7179, +7 (925) 002 00 22. E-mail: e-expert@yandex.ru ИНН 7717118908. Internet: www.rusexpert.ru

ЗАКЛЮЧЕНИЕ КОМИССИИ СПЕЦИАЛИСТОВ-ЛИНГВИСТОВ № 15-11/19 в форме научно-методической рецензии на заключения экспертов № 252 от 25.06.2018 и № 271 от 18.07.2018, составленные экспертами Н. Н. Крюковой и А. Е. Тарасовым по результатам проведенных ими комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовному делу гр. Д. А. Лазарева

г. Москва

«20» ноября 2019 г.

Сведения об экспертном учреждении: Общественное объединение «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)». Свидетельство о регистрации общественного объединения № 14127 от 15 февраля 2001 г., выдано Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве.

Основания производства лингвистического исследования (научно-методического рецензирования):

**ГИЛЬДИЯ ЛИНГВИСТОВ-ЭКСПЕРТОВ
ПО ДОКУМЕНТАЦИОННЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ СПОРАМ**
Рег.№14127 Главного управления Министерства юстиции РФ
по г. Москве от 15.02.2001 г.

• **договор № 17-10/19** о проведении лингвистического исследования в форме научно-методической рецензии на заключения комплексной психолого-лингвистической экспертизы № 252 от 25.06.2018 экспертов Крюковой Н.Н. и Тарасова А.Е. по уголовному делу гр. Лазарева Д.А., комплексной психолого-лингвистической экспертизы № 271 от 18.07.2018 экспертов Крюковой Н.Н. и Тарасова А.Е. по уголовному делу гр. Лазарева Д.А., заключенный 14.10.2019 между РОО ГЛЭДИС и адвокатом М. Ю. Терсаркисовым;

• **приказ** председателя правления Региональной общественной организации «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС)» проф. М. В. Горбаневского № 26/11-19э от 31.10.2019 о формировании комиссии специалистов-лингвистов для проведения научно-экспертных работ по договору № 17-10/19 с адвокатом М. Ю. Тер-Саркисовым от 14.10.2019.

Рецензирование выполнено комиссией специалистов-лингвистов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) в следующем составе:

- члена Правления ГЛЭДИС, действительного члена Гильдии, начальника научно-методического отдела ГЛЭДИС, кандидата филологических наук **Жаркова Игоря Вениаминовича** (специальность: «10.02.21 – Структурная, прикладная и математическая лингвистика»), диплом кандидата филологических наук КТ №017433 от 27.10.1995 г., стаж научной деятельности и работы по специальности 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 048-01/17-сэ от 30.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 30 января 2017 г., протокол № 55);

- действительного члена Гильдии, члена Правления ГЛЭДИС, Ученого секретаря ГЛЭДИС — доктора филологических наук, профессора кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка им А.С. Пушкина, академика РАЕН **Мамонтова Александра Степановича** (специальность: "10.02.01 – Русский язык"), диплом доктора филологических наук № ДК 007310 от 23.03.2001 г., стаж научной деятельности и работы по специальности – 42 года, экспертная специализация – судебная

лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта № 051-01/17-сэ от 31.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 31 января 2017г., протокол № 56);

- заместителя Председателя Правления ГЛЭДИС, члена Правления ГЛЭДИС, действительного члена Гильдии, доктора филологических наук, профессора кафедры массовой коммуникации филологического факультета Российского университета дружбы народов **Трофимовой Галины Николаевны** (специальность: «10.02.01 – Русский язык»), диплом доктора филологических наук № ДК 024624 от 18.02.2005 г., стаж научной деятельности и работы по специальности - 30 лет, экспертная специализация – судебная лингвистическая экспертиза (свидетельство эксперта №046-01/17-сэ от 28.01.2017 г., выдано решением экспертно-квалификационной комиссии Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам от 28 января 2017 г., протокол №53).

Перед комиссией специалистов-лингвистов поставлены следующие **вопросы в форме** подлежащих решению экспертных задач:

- дать специальную (лингвистическую, научно-методическую) оценку обоснованности выводов экспертов в представленных двух заключениях № 252 от 25.06.2018 и № 271 от 18.07.2018;
- дать специальную (лингвистическую, научно-методическую) оценку соответствия представленных двух заключений экспертов № 252 от 25.06.2018 и № 271 от 18.07.2018 требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

Научная и методическая литература:

1. Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. Сборник материалов. — М.: ИПК «Информкнига», 2010. (Издание подготовлено по заказу Роскомнадзора).
2. Как провести лингвистическую экспертизу спорного текста? Памятка для судей, юристов СМИ, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей и экспертов / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. — 2е изд., испр. и доп. — М.: Юридический Мир, 2006.

3. Россинская Е.Р. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». – М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002.
4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М.: Норма, 2005.
5. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. – М.: Норма, 2006.
6. Галяшина Е.И. Основы судебного речеведения. М.: Стэнси, 2003.
7. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. 2-е издание. – СПб.: ПИТЕР, 2004.
8. Судебно-экспертное исследование вещественных доказательств. – М.: Амалфея, 2003.
9. Комментарий к Федеральному закону «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». / Под ред. В.П. Кашепова. – М., 2003.
10. Комментарий к законодательству о судебной экспертизе. Уголовное, гражданское, арбитражное судопроизводство. – М.: Норма, 2004.
11. Теория и практика судебной экспертизы в гражданском и арбитражном процессе. Научно-практическое пособие. / Под ред. проф. Е.Р. Россинской. – Москва, 2006.
12. Спорные тексты СМИ и судебные иски: Публикации. Документы. Экспертизы. Комментарии лингвистов. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Престиж, 2005 г.;
13. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Медея, 2004;
14. Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах: Сборник материалов научно-практического семинара. Москва 7-8 декабря 2002 г. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. В двух частях. – М.: Галерея, 2002-2003;
15. Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Галерея, 2002.
16. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: Учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007.
17. Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. — М.: Проспект, 2010.
18. Большой толковый словарь / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб: Норинт, 2002.
19. Голев Н. Д. Юридизация естественного языка как юрислингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвузовский сборник научных трудов / Под ред. проф. Н. Д. Голева. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002.
20. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. — Барнаул: АлтГПА, 2009.
21. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
22. Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 "Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности", с приложениями. –

<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12089652/>

23. Кукушкина О. В., Сафонова Ю. А., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму / Федеральное бюджетное учреждение Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации. — М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014.
24. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2, Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. — С. 18-27.
25. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки// Вестник Московского университета МВД России. 2018 (4). — С. 31-36.
26. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы №1 (41) 2016. — С. 118-126.

1. Относительно критериев специальной научно-методической и лингвистической оценки представленного заключения

По мнению комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС, для специальной научно-методической, лингвистической, экспертологической оценки представленных на рецензирование документов как доказательств по уголовному делу могут иметь значение следующие обстоятельства.

Исходя из формы и содержания представленных на исследование документов (в дальнейшем также *рецензируемые заключения*), они представляют собой заключения экспертов, составленные на основании постановлений следователя о назначении комплексной судебной экспертизы, вынесенных в рамках предварительного расследования уголовного дела, и отражают результаты исследований, относящихся к особому виду деятельности, регламентированному процессуальным законодательством и специальными законодательными актами, — судебно-экспертной деятельности.

В информационно-правовых базах российского законодательства насчитываются сегодня сотни нормативных актов различного уровня, регламентирующих судебно-экспертную деятельность. Системным документом, определяющим правовой статус судебно-экспертной деятельности и заключений экспертов, является федеральный закон №73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 года.

Указанный системный акт определяет правовую основу, принципы организации и основные направления судебно-экспертной деятельности (СЭД) как самостоятельного вида социально полезной деятельности в гражданском, административном и уголовном судопроизводстве. В этом же законе закреплены принципы и правовые основы СЭД, исторически сложившиеся на основе многолетней правоприменительной практики.

Согласно ст. 1 указанного закона, с учетом положения ст. 41, распространяющей действие ряда основных положений закона на судебно-экспертную деятельность лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, судебно-

экспертная деятельность состоит в организации и производстве судебной экспертизы государственными судебно-экспертными учреждениями, государственными и негосударственными судебными экспертами. Исходя из положений ст. 2 указанного закона, **задачей** судебно-экспертной деятельности является оказание содействия правоохранительным органам («судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям») в **установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу**. Содействие оказывается посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла.

В ст. 9 даны определения основных понятий, используемых в законе. В частности, под **судопроизводством** понимается «регулируемая процессуальным законодательством Российской Федерации деятельность суда или судьи в ходе судебного разбирательства гражданских, административных и уголовных дел, а также деятельность органа дознания, лица, производящего дознание, следователя или прокурора при возбуждении уголовного дела, проведении дознания и предварительного следствия».

Судебную экспертизу закон определяет как процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний и которые поставлены перед экспертом уполномоченным лицом (судом, судьей, органом дознания и т. д.) в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу.

Заключение эксперта — «письменный документ, отражающий ход и результаты исследований, проведенных экспертом».

Статья 3 закона определяет **правовую основу** государственной судебно-экспертной деятельности, в которую, помимо Конституции Российской Федерации, данного закона и других федеральных законов, а также нормативно-правовых актов федеральных органов исполнительной власти, регулирующих организацию и производство судебной экспертизы, включено процессуальное законодательство, в том числе Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и др.

В статьях 4–8 закона зафиксированы основные принципы государственной судебно-экспертной деятельности, которые, согласно ст. 41, распространяются и на судебно-экспертную деятельность негосударственных судебных экспертов. Эти принципы могут быть содержательно разнесены на две группы.

Первую группу составляют **процессуально-правовые (общезюридические) принципы** деятельности:

- принцип законности (ст. 5);
- принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица (ст. 6).

Вторую группу составляют **профессиональные (специальные) принципы** судебно-экспертной деятельности, являющиеся межотраслевыми и не зависящими от конкретного вида процесса (уголовный, гражданский, административный и т. д.), в котором участвует эксперт:

- принцип независимости эксперта, в соответствии с которым при производстве судебной экспертизы эксперт независим, он не может

находиться в какой-либо зависимости от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Не допускается воздействие на эксперта со стороны судов, судей, органов дознания, лиц, производящих дознание, следователей и прокуроров, а также иных государственных органов, организаций, объединений и отдельных лиц в целях получения заключения в пользу кого-либо из участников процесса или в интересах других лиц. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, подлежат ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации (ст. 7);

- принцип наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции: «Эксперт дает заключение, основываясь на результатах проведенных исследований в соответствии со своими специальными знаниями» (ст. 7). «Эксперт проводит исследования... в пределах соответствующей специальности...» (ст. 8);
- принцип объективности исследования: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...» (ст. 8). Объективность исследования является одним из общих принципов научного познания. Ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом или учреждением;
- принцип проверяемости выводов эксперта, тесно связанный с принципом объективности исследования: «Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8);
- принцип полноты экспертного исследования («Эксперт проводит исследования... в полном объеме» — ст. 8), который означает, что при даче заключения эксперт должен, как минимум, сформулировать выводы по всем поставленным перед ним вопросам, а также по возможности стремиться проявить экспертную инициативу, т. е. указать на обнаруженные им в ходе исследования обстоятельства, которые могут иметь значение для дела, по поводу которых вопросы не были поставлены;
- принцип всесторонности исследования («Эксперт проводит исследования... всесторонне» — ст. 8), которая трактуется как учет при производстве экспертизы всех факторов (признаков представленного объекта), свидетельствующих как в пользу положительного вывода по поставленному вопросу, так и в пользу отрицательного вывода либо вывода о невозможности разрешения вопроса.

Из текста закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» следует, что судебного эксперта можно определить как «аттестованного работника государственного судебно-экспертного учреждения, производящего судебную экспертизу в порядке исполнения своих должностных обязанностей» (государственный судебный эксперт, ст. 12) либо лицо, обладающее специальными

знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, выполняющее судебную экспертизу, но не являющееся государственным судебным экспертом (ст. 41; в данном заключении для обозначения таких лиц используется термин *негосударственный эксперт*, применяемый также законодателем — ср. формулировку из ст. 16: «...осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта...»).

Правовой статус **эксперта** определяется прежде всего кругом его прав и обязанностей. Согласно ст. 16 указанного закона, эксперт **обязан**:

- принять к производству порученную ему судебную экспертизу;
- провести полное исследование представленных ему объектов и материалов дела, дать обоснованное и объективное заключение по поставленным перед ним вопросам;
- если поставленные вопросы выходят за пределы специальных знаний эксперта, объекты исследований и материалы дела непригодны или недостаточны для проведения исследований и дачи заключения и эксперту отказано в их дополнении либо современный уровень развития науки не позволяет ответить на поставленные вопросы, — составить мотивированное письменное сообщение о невозможности дать заключение и направить данное сообщение в орган или лицу, которые назначили судебную экспертизу;
- не разглашать сведения, которые стали ему известны в связи с производством судебной экспертизы, в том числе сведения, которые могут ограничить конституционные права граждан, а также сведения, составляющие государственную, коммерческую или иную охраняемую законом тайну;
- обеспечить сохранность представленных объектов исследований и материалов дела.

Эксперт также исполняет обязанности, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Эксперт не вправе:

- вступать в личные контакты с участниками процесса, если это ставит под сомнение его незаинтересованность в исходе дела;
- самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы;
- сообщать кому-либо о результатах судебной экспертизы, за исключением органа или лица, ее назначивших;
- уничтожать объекты исследований либо существенно изменять их свойства без разрешения органа или лица, назначивших судебную экспертизу.

Установленные той же статьей запреты:

- принимать поручения о производстве судебной экспертизы непосредственно от каких-либо органов или лиц, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения;

- осуществлять судебно-экспертную деятельность в качестве негосударственного эксперта — относятся только к государственным судебным экспертам.

Права эксперта определены в статье 17 указанного закона. Эксперт вправе:

- ходатайствовать перед руководителем судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследований и дачи заключения;
- делать подлежащие занесению в протокол следственного действия или судебного заседания заявления по поводу неправильного истолкования участниками процесса его заключения или показаний;
- обжаловать в установленном законом порядке действия органа или лица, назначивших судебную экспертизу, если они нарушают права эксперта.

Эксперт также имеет права, предусмотренные соответствующим процессуальным законодательством.

Согласно ст. 25 указанного закона, на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают **письменное заключение** и подписывают его.

В заключении эксперта или комиссии экспертов должны быть отражены:

- время и место производства судебной экспертизы;
- основания производства судебной экспертизы;
- сведения об органе или о лице, назначивших судебную экспертизу;
- сведения о судебно-экспертном учреждении, об эксперте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность), которым поручено производство судебной экспертизы;
- предупреждение эксперта в соответствии с законодательством Российской Федерации об ответственности за дачу заведомо ложного заключения;
- вопросы, поставленные перед экспертом или комиссией экспертов;
- объекты исследований и материалы дела, представленные эксперту для производства судебной экспертизы;
- сведения об участниках процесса, присутствовавших при производстве судебной экспертизы;
- содержание и результаты исследований с указанием примененных методов;
- оценка результатов исследований, обоснование и формулировка выводов по поставленным вопросам.

Материалы, иллюстрирующие заключение эксперта или комиссии экспертов, прилагаются к заключению и служат его составной частью.

Закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» включает в себя те положения, которые являются общими для разных видов судебного процесса. В то же время в **процессуальных кодексах** есть особые нормы, относящиеся к судебно-экспертной деятельности и являющиеся специфическими для каждого вида процесса. При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие про-

изводство экспертизы по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел, имеют свои особенности.

При наличии общих черт конкретные процессуальные нормы, регулирующие производство экспертизы по уголовным, гражданским, административным, арбитражным и иным категориям дел, имеют свои особенности, а иногда существенно различаются.

Согласно статье 57 **Уголовно-процессуального кодекса РФ**, экспертом признается любое лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом РФ, для производства судебной экспертизы и дачи заключения.

Эксперт в силу своего статуса в уголовном процессе вправе, в частности:

- 1) знакомиться с материалами уголовного дела, относящимися к предмету судебной экспертизы;
- 2) ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных материалов, необходимых для дачи заключения, либо привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов;
- 3) участвовать с разрешения дознавателя, следователя и суда в процессуальных действиях и задавать вопросы, относящиеся к предмету судебной экспертизы;
- 4) давать заключение в пределах своей компетенции, в том числе по вопросам, хотя и не поставленным в постановлении о назначении судебной экспертизы, но имеющим отношение к предмету экспертного исследования;

В то же время эксперт не имеет права, в частности:

- 1) без ведома дознавателя, следователя и суда вести переговоры с участниками уголовного судопроизводства по вопросам, связанным с производством судебной экспертизы;
- 2) самостоятельно собирать материалы для экспертного исследования.

Эксперт вправе возратить без исполнения постановление о назначении судебной экспертизы, если представленных материалов недостаточно для ее производства или он считает, что не обладает достаточными знаниями для ее производства.

Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является **комплексной**. Особенности производства комплексной экспертизы в уголовном процессе регламентированы ст. 201 УПК РФ.

В заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

С учетом изложенного, **ведущим критерием оценки** представленного на исследование документа является подлежащая выявлению в ходе рецензирования совокупность специальных научно-методических и лингвистических признаков их соответствия либо несоответствия описанным требованиям законодательства, предъявляемым к заключениям экспертов, в части использования экспертами

специальных познаний в области лингвистики, теории и практики судебной лингвистической экспертизы, теории и практики судебно-экспертной деятельности.

2. Специальная компетенция экспертов, понятийный и методический аппарат заключений

Из содержания рецензируемых заключений вытекает, что они составлены по результатам исследований, проведенных двумя экспертами, указавшими во вводной части разные экспертные специальности:

- экспертом А. Е. Тарасовым. Во вводной части рецензируемых заключений содержатся сведения о наличии у данного эксперта «высшего образования по специальности иностранные языки», квалификации «переводчика и преподавателя английского немецкого языков» и научной степени в области политологии, с очевидностью не имеющей отношения к предмету экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях;
- экспертом Н. Н. Крюковой. Во вводной части рецензируемого заключения содержатся сведения о наличии у данного эксперта «высшего образования по специальности математика» и квалификации учителя математики, с очевидностью не имеющих отношения к предмету экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, а также ученой степени в области педагогики.

Сведений о наличии у экспертов каких-либо экспертных специальностей рецензируемые заключения не содержат.

Исходя из предположения о достоверности описанных сведений, можно констатировать наличие у эксперта А. Е. Тарасова специальных знаний в области лингвистики, отсутствие документально подтверждаемых специальных знаний в области психологии.

В то же время оценка ученой степени в области педагогики как доказательства наличия у эксперта Н. Н. Крюковой специальной компетенции в области психологии выходит за пределы компетенции комиссии специалистов-лингвистов, однако представляется как минимум сомнительной. Комиссия специалистов-лингвистов полагает необходимым обратить внимание суда на необходимость такой оценки. В случае, если судом будет установлено, что ученая степень в области педагогики при отсутствии базового психологического образования не является достаточным доказательством наличия у эксперта Н. Н. Крюковой специальной компетенции в области психологии, налицо **специальный научно-методический и экспертологический признак прямого грубого нарушения** при производстве экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, установленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Из содержания представленного на рецензирование заключения вытекает, что А. Е. Тарасов и Н. Н. Крюкова являются сотрудниками АНО по развитию социокультурной деятельности «Центр социокультурных экспертиз», не имеющего статуса государственного судебно-экспертного учреждения. Соответственно,

процессуальный статус А. Е. Тарасова и Н. Н. Крюковой в рамках уголовного дела № 11702450011000001 может быть определен как **негосударственный судебный эксперт**.

При этом специальная компетенция экспертов не совпадает и не имеет каких-либо пересечений, в том числе в областях знаний, имеющих отношение к производству экспертиз, по результатам которых составлены рецензируемые заключения. Следовательно, проведенные ими совместно экспертизы являются **комплексными**, что соответствует наименованию их вида («комплексная психолого-лингвистическая экспертиза»), использованному во вводных частях обоих рецензируемых заключений.

При этом **весь объем текста рецензируемых заключений подписан экспертами совместно**; в заключениях отсутствуют сведения о том, какие исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел, что **не соответствует требованиям ст. 201 УПК РФ**, согласно которым в заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывает ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность.

Безусловно, оценка указанного несоответствия как нарушения требований действующего законодательства носит правовой характер и лежит за пределами специальной компетенции, является прерогативой суда, однако прямым следствием описанного положения дел (отсутствия отдельного подписания экспертами частей заключений, относящихся в разным областям специальных знаний) является абсолютная невозможность убедиться в том, что при производстве экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, каждый из экспертов оставался в пределах своей компетенции, что является **специальным научно-методическим и экспертологическим признаком прямого грубого нарушения** при производстве экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, установленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Список литературы рецензируемого заключения включает в себя единственный элемент — методическое пособие РФЦСЭ при МЮ РФ «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» 2011 года за авторством О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж.

В обоих рецензируемых заключениях вслед за указанием этого единственного источника эксперты заявляют, что «Ссылки на справочные материалы даны в самом исследовании», однако в каждом из рецензируемых заключений имеется лишь одна (тождественная в обоих случаях) такая ссылка — при введении экспертами в понятийный аппарат исследования термина *лингвоцинизмы* на статью А. П. Сапожникова «К определению термина «лингвоцинизмы». Весьма показательным в отношении этой ссылки следующее:

- весь объем указанной статьи составляет около 4 страниц, в то время как объем описания понятийного аппарата в каждом из рецензируемых заключений составляет св. 13 страниц;
- ни в одном из рецензируемых заключений термин *лингвоцинизмы* вообще не используется при описании исследований, проведенных экспертами.

В качестве ссылок на источники научных данных не могут рассматриваться упоминание фамилий «Д. Узнадзе»¹ и литературоведа Ю. М. Лотмана как автора формулировки «общение читателя с текстом» при определении значения термина *ситуативный контекст* без указания названия работы и каких-либо выходных данных публикации, из которой эта цитата заимствована.

С учетом изложенного, методическое пособие РФЦСЭ при МЮ РФ «Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму» 2011 года за авторством О. В. Кукушкиной, Ю. А. Сафоновой и Т. Н. Секераж является единственным источником научных данных, указываемым экспертами в обоих рецензируемых заключениях, а никакими справочными материалами эксперты, вопреки заявляемому ими в подразделах «При производстве экспертизы была также использована следующая специальная литература:», ни единожды (на протяжении обоих рассматриваемых экспертиз) не воспользовались.

Вероятно, составителям рецензируемого заключения неизвестно о вышедшем позднее, также под эгидой РФЦСЭ, издании, в котором содержатся важные уточнения целого ряда понятий и методов, применяемых экспертами в лингвистической части рецензируемого заключения, — об издании «Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму», вышедшем в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России в 2014 году.

Таким образом, применяемые в рецензируемом заключении понятийный аппарат и методика исследования основаны на единственном методическом источнике, который является частично устаревшим, и должны характеризоваться как неполные и недостаточные для адекватного решения экспертных задач, поставленных перед экспертами следствием.

Описанное положение дел ставит **под сомнение достаточность научной обоснованности** обоих рецензируемых заключений в целом и представляет собой яркий **специальный научно-методический и лингвистический признак несоответствия** обоих рецензируемых заключений принципам полноты и объективности экспертного исследования, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

---

¹ В обоих рецензируемых заключениях это упоминание выглядит именно так, с неполными инициалами, — вероятно, имеется в виду психолог Д. Н. Узнадзе (1886–1950).

3. Описание в рецензируемых заключениях проведенных экспертами исследований

При предварительном изучении текста обоих рецензируемых заключений бросается в глаза нетрадиционное соотношение объема их разделов, наглядно представленное в следующей таблице.

Таблица 1. Сопоставление рецензируемых заключений по формальным признакам

	Заключение № 252	Заключение № 271
Количество объектов исследования ¹	2	3
Вводная часть	8 страниц	ок. 10,5 страниц
Описание поступивших на экспертизу объектов	8 строк	6 строк
Описание методических приемов и понятийного аппарата исследования	ок. 13 страниц	ок. 13 страниц
Описание проведенных экспертами исследований (исключая повторное по отношению ко вводной части воспроизведение формулировок вопросов следствия и простое цитирование экспертами фрагментов исследуемой переписки)	ок. 2,5 страниц	ок. 6,5 страниц

Вопросы, поставленные перед экспертами в отношении переписки с каждым из пользователей «Оксана Низамутдинова», «Ксения Чертановская», «Вероника Ерошенкова», «Катя Ефремова», «Саша Евстигнеева», являются тождественными, отличаются лишь обозначениями пользователей, являющихся субъектами подлежащей исследованию переписки, и информацией, необходимой для идентификации этой переписки среди предоставленных в распоряжение экспертов материалов дела.

В отношении переписки с каждым из перечисленных пользователей следствие ставит 5 подлежащих разрешению вопросов (курсивом выделены условные обозначения, заменяющие описанные в предыдущем абзаце настоящей рецензии различающиеся для разных объектов исследования сведения):

1. Какова смысловая направленность представленной на экспертизу на компакт-диске марки «Verbatim CD-R 700 Mb 80 min», имеющем идентификационный номер *AAA*, в файле под названием *BBB* электронной переписки между пользователем *CCC* и пользователем *DDD*?

2. Содержит ли представленная на экспертизу на компакт-диске марки «Verbatim CD-R 700 Mb 80 min», имеющем идентификационный номер *AAA*, в файле под названием *BBB* электронная переписка между пользователем *CCC* и пользователем *DDD* признаки побуждения несовершеннолетней (*CCC*) к каким-либо действиям?

3. Каковы коммуникативные роли участников представленной на экспертизу на компакт-диске марки «Verbatim CD-R 700 Mb 80 min», имеющем идентификационный

¹ В качестве единичного объекта исследования комиссия специалистов-лингвистов рассматривает предоставленную следствием в распоряжение экспертов переписку, которую предположительно обвиняемый вел с каждым из пользователей «Оксана Низамутдинова», «Ксения Чертановская», «Вероника Ерошенкова», «Катя Ефремова», «Саша Евстигнеева».

номер *AAA*, в файле под названием *BBB* в электронной переписке между пользователем *ССС* и пользователем *DDD*?

4. Кто из участников представленной на экспертизу на компакт-диске марки «Verbatim CD-R 700 Mb 80 min», имеющем идентификационный номер *AAA*, в файле под названием *BBB* электронной переписки между пользователем *ССС* и пользователем *DDD* является инициатором диалога и последующего изготовления и направления фотографических изображений и видеозаписей интимного характера?

5. Содержит ли представленная на экспертизу на компакт-диске марки «Verbatim CD-R 700 Mb 80 min», имеющем идентификационный номер *AAA*, в файле под названием *BBB* электронная переписка между пользователем *ССС* и пользователем *DDD* признаки психологического воздействия на несовершеннолетнего (*ССС*)?

Описание проведенными экспертами исследований в отношении каждого из объектов (переписки предположительно обвиняемого с каждым из перечисленных пользователей) во всех случаях строится по тождественной схеме.

В четырех случаях из пяти (исключение составляет описание исследований, проведенных в отношении переписки с пользователем «Ксения Чертановская») эксперты, воспроизведя очередную пятерку поставленных перед ними вопросов, немедленно начинают очередной подраздел заключения декларацией следующего вида:

Для решения поставленных вопросов анализировался текст, содержащийся в файле *BBB*. Текст содержит переписку пользователя *DDD* и пользователя *ССС* в период (указываются даты, вероятно, начального и конечного сообщений переписки).

(В случае переписки с пользователем «Ксения Чертановская» соответствующий абзац в тексте рецензируемого заключения № 252 отсутствует, ему не соответствует какой-либо структурный элемент. Абзац, вероятно, просто пропущен экспертами, возможно, по невнимательности.)

Приведенный абзац **не содержит описания содержания каких-либо проведенных экспертами специальных лингвистических и (или) психологических исследований**, содержит лишь заявление о том, что некий «анализ» объекта экспертизы был экспертами проведен.

Следом эксперты мгновенно формулируют вывод по одному из поставленных перед ними вопросов (вопросы № 4 в рецензируемом заключении № 252, вопросы № 4, № 9, № 14 в рецензируемом заключении № 271):

Инициатором этих переписок является пользователь *DDD*: он начинает переписку и определяет ее характер и тему.

В случае вопроса № 4 в рецензируемом заключении № 252, относящегося к переписке с пользователем «Оксана Низмутдинова», эксперты дополняют этот вывод, указывая, что «В начале переписки он [пользователь *DDD*] пересылает ссылку» (*приводится адрес веб-страницы*) на страницу «Dualist Lazer». При этом отсутствуют какие-либо сведения о том, каким образом эксперты пришли к выводу о том, что представленная им на исследование переписка является полной и хронологически первое сообщение соответствует реальному абсолютному началу диалога между пользователями *ССС* и *DDD*. В частности, отсутствует какой бы то ни было анализ формы и содержания начальной реплики диалога, в составе которой была переслана описываемая

экспертами ссыла: в частности, эксперты не указывают на отсутствие в составе этой реплики анафорических отсылок, которые доказывали бы существование предыдущего контекста общения между *ССС* и *DDD* и, соответственно, опровергали предположение о том, что переписка представлена на экспертизу целиком. Эксперты не описывают каких-либо исследований дальнейших реплик, направленных на исключение вероятности существования в них отсылок к неким репликам, хронологически предшествующих той реплике, с которой начинается общение *ССС* и *DDD* в файле, предоставленном в распоряжение экспертов следствием, и т. п. Равным образом отсутствуют и сведения об использовании экспертами при получении этого вывода альтернативных источников информации (установленных следствием обстоятельств уголовного дела; протокола допроса потерпевшей). Соответственно, **данный промежуточный вывод**, используемый в рецензируемом заключении № 252 в обоснование итогового вывода по вопросу № 4, **не может быть признан обоснованным**.

В трех других случаях (переписка с пользователями «Вероника Ерошенкова», «Катя Ефремова», «Саша Евстигнеева» — рецензируемое заключение № 271) единственным обоснованием итогового вывода экспертов о том, кто является инициатором переписки, выступает промежуточный вывод экспертов о том, что пользователь *DDD* «определяет ее [переписки] характер и тему». Однако в рецензируемом заключении № 271 отсутствуют какие-либо сведения о том, на основании каких речевых фактов эксперты установили, что пользователь *DDD* «определяет ее [переписки] характер и тему». Соответственно, **данный промежуточный вывод**, используемый в рецензируемом заключении № 271 в обоснование итоговых выводов по вопросам № 4, № 9, № 14, также **не может быть признан обоснованным**.

В случае переписки с пользователем «Ксения Чертановская» соответствующий абзац в тексте рецензируемого заключения № 252 полностью отсутствует, ему не соответствует какой-либо структурный элемент. Абзац, вероятно, просто пропущен экспертами, возможно, по невнимательности. В результате в тексте исследовательской части рецензируемого заключения № 252 не имеется никакой информации, относящейся к исследованиям по вопросу № 9.

Совокупность изложенного позволяет утверждать, что **выводы экспертов по вопросам № 4 и № 9 в рецензируемом заключении № 252, а также по вопросам № 4, № 9 и № 14 в рецензируемом заключении № 271 не могут рассматриваться как надлежаще обоснованные**, что является **специальным научно-методическим и экспертологическим признаком несоответствия обоих рецензируемых заключений принципам проверяемости выводов эксперта и объективности экспертного исследования**, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Затем в описании проведенных экспертами исследований в отношении каждого из объектов (переписки предположительно обвиняемого с конкретным пользователем) наблюдается суждение эксперта о целях пользователя, предположительно являющегося обвиняемым по данному уголовному делу.

Во всех пяти случаях суждение экспертов имеет тождественную структуру, выражается с тождественными пунктуационными и синтаксическими ошибками:

Целями пользователя *DDD*. Реализуемых в переписке с пользователем *ССС* является (перечисляются цели). Побудительной причиной, поводом к таким действиям является удовлетворение пользователя *DDD* своих физиологических, сексуальных потребностей.

К числу целей пользователя *DDD* эксперты относят:

- в случае переписки с пользователем «Оксана Низамутдинова» — «(а) получение от пользователя *ССС* интимных видеозаписей; (б) демонстрация пользователем *ССС* обнаженного тела с помощью Веб-камеры, в сети в «контакте» (веб - интернет камера – сокращенно «вебка»; (в) организация встреч с пользователем *ССС*»;
- в случае переписки с пользователем «Ксения Чертановская» — «(а) получение от пользователя *ССС* интимных фотографий». Пункты «(б)» и т. д. здесь в рецензируемом заключении отсутствуют;
- в случае переписки с пользователями «Вероника Ерошенкова», «Катя Ефремова», «Саша Евстигнеева» — «получение от пользователя *ССС* интимных фотографий и видеозаписей».

В обоснование данных промежуточных выводов во всех случаях эксперты приводят ряд сообщений или фрагментов (экспертами активно используется многоточие) сообщений (в случае пользователя «Саша Евстигнеева» — одно сообщение) пользователя *DDD*, вероятно, наблюдаемых в исследуемой переписке.

Все без исключения сообщения, цитируемые здесь экспертами, принадлежат пользователю *DDD* и приводятся как изолированные реплики диалога. Ни предыдущий, ни последующий контекст этих сообщений эксперты не приводят. Эксперты не считают нужным приводить какие-либо суждения в отношении каждой из конкретных реплик, нигде не сообщают о том, каким образом ими проводился анализ цитируемых ими сообщений. Ни ход, ни результаты лексико-семантического, грамматического, синтаксического, контекстуального и т. д. анализа в описании проведенных экспертами исследований не представлены.

Между тем, именно эти виды анализа, в приведенной последовательности, заявлены экспертами в обоих рецензируемых заключениях в начале исследовательской части, при описании порядка исследования:

В процессе исследования использовались следующие лингвистические методы анализа письменного текста:

1. Лексико-семантический анализ проводился с целью определения лексических значений слов и их сочетаний, толкования их значений и функций.
2. С помощью грамматического анализа устанавливались грамматические категории.
3. С помощью синтаксического анализа выявлялись синтаксические единицы, определялись отношения между ними, устанавливались синтаксические средства.
4. Контекстуальный анализ с целью определения значения языковых единиц и уточнения их смыслового содержания.
5. Функционально-стилистический анализ проводился с целью определения стилистической специфики текста **статьи (sic! в обоих рецензируемых заключениях!)**, принадлежности к определенному функциональному стилю.
6. ...

Однако в рецензируемых заключениях не наблюдается ни единого суждения о лексическом значении какого-либо слова или словосочетания, ни единого упоминания о каких-либо грамматических категориях, никакого следа описания установленных

экспертами в исследуемых ими текстах синтаксических единиц и т. д., которые сопровождали бы список цитируемых экспертами высказываний.

Действующее законодательство о судебно-экспертной деятельности требует отражения в заключении эксперта как содержания, так и результатов исследований с указанием примененных методов (ст. 25 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ») — однако в случае рецензируемых заключений наблюдается совершенно иная картина: методы указаны, но ни содержание, ни результаты их применения в заключениях экспертов вообще не отражены.

Особенно чувствительным представляется отсутствие описания содержания и результатов контекстуального анализа, поскольку все без исключения цитируемые экспертами сообщения *DDD*, будучи помещаемыми в разных контексты, радикально меняют свои свойства. Так, в описании исследований, относящихся к переписке с пользователем «Оксана Низамутдинова», эксперты усматривают цель «(а) получение от пользователя ССС интимных видеозаписей» в следующем сообщении: «... приветик, любимая принцесса, сделала видео?». В зависимости от контекста данное сообщение может соответствовать различным целям, например:

- в случае, если пользователь «Оксана Низамутдинова» в предыдущем контексте (в рамках переписки либо за ее пределами, в каком-то другом формате общения) обещала собеседнику изготовить и направить интимную видеозапись, целью данного сообщения действительно может являться получение от пользователя «Оксана Низамутдинова» интимной видеозаписи;
- в случае, если пользователь *DDD* в предыдущем контексте (в рамках переписки либо за ее пределами, в каком-то другом формате общения) многократно побуждал собеседницу изготовить и направить интимную видеозапись, целью данного сообщения действительно может являться получение от пользователя «Оксана Низамутдинова» интимной видеозаписи;
- в случае, если пользователь *DDD* (за рамками переписки, от третьих лиц) узнал о том, что «Оксана Низамутдинова» сделала некую видеозапись (не обязательно интимного характера), целью данного сообщения может являться уточнение этой информации, полученной пользователем *DDD* от третьих лиц, в осведомленности или добросовестности которых он сомневается;
- в контексте гипотетического диалога «Привет, принц, я тут сделала кое-что новое, угадай, что это? — Приветик, любимая принцесса, сделала видео?» целью может являться поддержание предложенной собеседницей интеллектуальной игры;
- в контексте гипотетического диалога «Я тут сделала одну вещь, но не знаю, как ее конвертировать в нужный формат. Поможешь? — Приветик, любимая принцесса, сделала видео?» целью может являться уточнение содержания ее сообщения для возможного удовлетворения в дальнейшем ее просьбы;
- etc.

Подобные варианты интерпретации цитируемых экспертами сообщений в зависимости от их контекста могут быть предложены для каждого сообщения, на котором эксперты основывают свои выводы о целях, преследуемых пользователем *DDD*. Однако никаких сведений о контексте рецензируемые заключения не содержат.

С учетом изложенного, ни в одном из пяти случаев промежуточные выводы экспертов о целях пользователя *DDD* **не являются надлежаще обоснованными**, что является **специальным научно-методическим и экспертологическим признаком несоответствия обоих рецензируемых заключений принципам проверяемости выводов эксперта и объективности экспертного исследования**, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Полностью аналогичное описанному выше положение дел наблюдается и с последующими суждениями экспертов, наблюдаемыми в рецензируемых заключениях, обосновываемыми исключительно посредством простого цитирования:

- о наличии в исследуемой переписке признаков побуждения собеседниц к производству видеозаписей, демонстрации обнаженного тела, организации встреч;
- о психологическом воздействии, оказываемом на собеседниц пользователем *DDD*;
- о том, что «побудительной причиной, поводом» (**sic!** По мнению рецензентов, причина и повод совершения тех или иных действий в большинстве случаев не совпадают; жанр заключения эксперта во всех случаях требует различать эти понятия и в каждом конкретном случае уточнять, какое из них имеется в виду) «таких действий является удовлетворение пользователя *DDD* своих физиологических сексуальных потребностей» (**sic!** Наблюдаемая в этом высказывании синтаксическая ошибка присутствует в описании исследований, относящихся к переписке со всеми пятью пользователями, исследуемой экспертами);
- о коммуникативных ролях участников переписки;
- о психологическом воздействии пользователя *DDD* на собеседниц;
- etc.

Особое внимание обращают на себя суждения экспертов, систематически используемые ими в рецензируемых заключениях как промежуточные выводы, используемые при получении выводов итоговых, относящиеся к фактическим обстоятельствам, лежащим за пределами письменных продуктов речевой деятельности, представленных на экспертизу, в частности:

- суждение о том, что пользователь «Оксана Низамутдинова» «не имеет понятия» о тех или иных «сексуальных действиях», поскольку «на момент переписки ей 11–12 лет». Вполне очевидно, что, как бы нам ни хотелось обратного, часть 11-летних детей в действительности вполне осведомлена о всевозможных сексуальных действиях, и подобный вывод не может быть построен исключительно на основании данных о возрасте ребенка, для его достоверного получения требуется производство психологической или психолого-психиатрической

экспертизы в отношении этого ребенка как подэкспертного живого лица;

- многочисленные суждения об отсутствии со стороны пользователя *DDD* подлинных чувств влюбленности, о мнимом характере его заинтересованности во вступлении в «серьезные отношения» с той или иной собеседницей, о том, что он вводит их в заблуждение относительно своих намерений (налицо пресуппозиция ‘экспертам доподлинно известны чувства и намерения подэкспертного *DDD*’). Аналогично предыдущему, для достоверного получения подобного вывода требуется производство психологической или психолого-психиатрической экспертизы в отношении пользователя *DDD* как подэкспертного живого лица;
- суждения о порнографическом характере тех или иных видеофонограмм и иных материалов, упоминаемых, но не представленных в исследуемой экспертами переписке непосредственно. Подобные выводы во всех случаях требуют непосредственного изучения объекта такой квалификации. Необходимы также сведения о том, какой классификацией эротической продукции и какими критериями эксперты пользовались при отнесении той или иной видеофонограммы к категории продукции порнографической. Значительные сомнения вызывает, например, возможность отнесения к порнографическим видеофонограммы с изображением стриптиза;
- etc.

Подобные промежуточные выводы экспертов А. Е. Тарасова и Н. Н. Крюковой **не могут рассматриваться как обоснованные**, а их трактовка в качестве достоверных предполагает нарушение экспертами запрета самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы — производство экспертизы в отношении потерпевших и подсудимого как живых лиц и самостоятельное получение видеофонограмм и иных материалов, которые в распоряжение экспертов следствием не были предоставлены.

ИТОГОВЫЕ ВЫВОДЫ

(В настоящем заключении комиссии специалистов в форме научно-методической рецензии словосочетанием *рецензируемые заключения* обозначаются **заключения экспертов № 252 от 25.06.2018 и № 271 от 18.07.2018, составленные экспертами Н. Н. Крюковой и А. Е. Тарасовым по результатам проведенных ими комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовному делу № 11702450011000001**

в отношении гр. Д. А. Лазарева. Все нижеприведенные выводы в равной мере относятся к каждому из двух названных заключений.)

1. Оценка ученой степени в области педагогики как доказательства наличия у эксперта Н. Н. Крюковой специальной компетенции в области психологии выходит за пределы компетенции комиссии специалистов-лингвистов, однако представляется как минимум сомнительной. В случае, если судом будет установлено, что ученая степень в области педагогики при отсутствии базового психологического образования не является достаточным доказательством наличия у эксперта Н. Н. Крюковой специальной компетенции в области психологии, налицо **специальный научно-методический и экспертологический признак** прямого грубого нарушения при производстве экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, установленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

2. **Весь объем текста рецензируемых заключений подписан экспертами совместно**; в заключениях отсутствуют сведения о том, какие исследования и в каком объеме провел каждый из экспертов, какие факты он установил и к каким выводам пришел, что **не соответствует требованиям ст. 201 УПК РФ**, согласно которым в заключении экспертов, участвующих в производстве комплексной судебной экспертизы, указывается, какие исследования и в каком объеме провел **каждый эксперт**, какие факты он установил и к каким выводам пришел.

Указанная процессуальная норма требует, чтобы каждый эксперт, участвовавший в производстве комплексной судебной экспертизы, **подписывал ту часть заключения**, которая содержит описание проведенных им исследований, и нес за нее ответственность.

Оценка указанного несоответствия как нарушения требований действующего законодательства носит правовой характер и лежит за пределами специальной компетенции, является прерогативой суда, однако прямым следствием описанного положения дел (отсутствия отдельного подписания экспертами частей заключений, относящихся в разным областям специальных знаний) является абсолютная невозможность убедиться в том, что при производстве экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, каждый из экспертов оставался в пределах своей компетенции, что является **специальным научно-методическим и экспертологическим признаком** прямого грубого **нарушения** при производстве экспертиз, результаты которых отражены в рецензируемых заключениях, **принципа наличия у эксперта определенной и ограниченной процессуальной компетенции**, установленного ст. 7 и 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

3. Применяемые в рецензируемых заключениях лингвистический понятийный аппарат и методика лингвистического исследования основаны на частично устаревших методических источниках, являются неполными и недостаточными для адекватного решения экспертных задач, поставленных перед экспертами следствием.

Описанное положение дел препятствует верификации полученных в ходе экспертизы результатов и представляет собой **специальный (научно-методический) признак несоответствия** рецензируемых заключений **принципу проверяемости выводов** эксперта, закрепленному ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ».

Кроме того, оно ставит **под сомнение достаточность научной обоснованности** обоих рецензируемых заключений в целом и представляет собой яркий **специальный научно-методический и лингвистический признак несоответствия** обоих рецензируемых заключений принципам полноты и объективности экспертного исследования, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

4. Ни один из выводов по вопроса следствия, полученных на основе исследований, описанных в рецензируемых заключениях, **НЕ может быть признан надлежаще обоснованным** с лингвистической, научно-методической и экспертологической точки зрения, что является **специальным научно-методическим и экспертологическим признаком несоответствия** обоих рецензируемых заключений **принципам проверяемости выводов эксперта и объективности экспертного исследования**, установленным ст. 8 закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

5. В тексте обоих рецензируемых заключений наблюдаются множественные **промежуточные выводы**, используемые при получении выводов итоговых, **относящиеся к фактическим обстоятельствам, лежащим за пределами письменных продуктов речевой деятельности, представленных на экспертизу.**

Подобные промежуточные выводы экспертов А. Е. Тарасова и Н. Н. Крюковой **не могут рассматриваться как обоснованные**, а их трактовка в качестве достоверных предполагает нарушение экспертами запрета самостоятельно собирать материалы для производства судебной экспертизы — производство экспертизы в отношении потерпевших и подсудимого как живых лиц и самостоятельное получение видеофонограмм и иных материалов, которые в распоряжение экспертов следствием не были предоставлены.

6. Изложенное в п. 1–5 настоящего нумерованного списка выводов позволяет со всей определенностью утверждать, что заключения экспертов № 252 от 25.06.2018 и № 271 от 18.07.2018, составленные экспертами Н. Н. Крюковой и А. Е. Тарасовым по результатам проведенных ими комплексных психолого-лингвистических экспертиз по уголовному делу № 11702450011000001 в отношении гр. Д. А. Лазарева, НЕ соответствуют специальным (научно-методическим, лингвистическим, лингвоэкспертным) требованиям, предъявляемым к документам подобного рода.

* * *

Исследование проведено и оформлено в полном соответствии с Федеральным законом от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» и действующими процессуальными кодексами РФ.

Члены комиссии специалистов-лингвистов ГЛЭДИС:

**Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
начальник научно-методического отдела
ГЛЭДИС,
кандидат филологических наук**

_____
И.В. ЖАРКОВ

**Член Правления ГЛЭДИС,
действительный член ГЛЭДИС,
ученый секретарь ГЛЭДИС,
академик РАЕН,
доктор филологических наук, профессор кафедры
русской словесности и межкультурной коммуникации
Государственного института русского языка
им А.С. Пушкина**

_____
А.С. МАМОНТОВ

**Зам. председателя Правления ГЛЭДИС,
действительный член Гильдии,
доктор филологических наук,
профессор кафедры массовой
коммуникации филологического
факультета Российского
университета дружбы народов**

_____
Г.Н. ТРОФИМОВА

ПОДПИСИ ЧЛЕНОВ КОМИССИИ ЗАВЕРЯЮ:

_____
*Н.Ю. МАКСИМОВА,
член Правления Гильдии,
координатор кадровой работы Гильдии*

м.п.

